

Вопросы истории. 1955, № 10
Веб-публикация: **Vive Liberta**

Алексей Иванович Орлеанский

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Выяснение вопроса о соотношении общесоциологических и специфических законов общественных формаций, о взаимодействии этих экономических законов в отдельных общественно-экономических формациях имеет важное значение для четкого и ясного понимания как отдельных исторических событий, так и всего процесса общественного развития. В этом отношении представляют известный интерес статьи И. С. Кона и М. С. Персова, опубликованные в порядке обсуждения¹. Однако эти статьи содержат, как нам представляется, ряд неправильных положений.

Прежде всего И. С. Кон дает не вполне точное определение понятия «закон». Он утверждает, что закон — «лишь отражение наиболее существенных внутренних связей, объективно присущих предметам и явлениям реального мира» (стр. 111). Между тем закон следует рассматривать не только как выражение «наиболее существенных внутренних связей», но и как отношение между сущностями связанных между собой (друг с другом) явлений. И. С. Кон утверждает далее, что «законы природы проявляются в действии стихийных сил природы» (там же), что же касается законов общественного развития, то во всех досоциалистических формациях они носят также стихийный характер, «действуют как слепая, стихийная сила, люди используют эти законы главным образом бессознательно, лишь в силу естественной необходимости» (стр. 123). В полном противоречии с этим И. С. Кон тут же пишет, что «сознательное использование объективных экономических законов происходит в той или иной мере не только при социализме и коммунизме, но и при других формациях» (стр. 123).

Утверждение И. С. Кона, что законы природы проявляются лишь в действиях стихийных сил природы, означает, что законы действуют лишь стихийно; оно исключает познание человеком этих стихийных сил природы и использование их в определенных целях, планомерно, когда закономерности природы действуют уже не как стихийная сила природы, не как «слепая необходимость», а как сила природы, познанная и «обузданная» человеком, как познанная необходимость. Правильнее сказать, что законы природы проявляются в действиях сил природы не только стихийно, как «слепая необходимость», но и как познанная необходимость в практической, материальной деятельности людей, использующих познанные законы планомерно и в определенных целях.

¹ См. И. С. Кон. О действии экономических законов в антагонистических формациях. «Вопросы истории». 1954, № 5; М. С. Персов. О соотношении общесоциологических и специфических законов формаций. «Вопросы истории». 1955, № 1.

То же самое можно сказать и о действиях экономических законов общественного развития. До тех пор, пока эти экономические законы не познаны человеком, они действуют стихийно, как «слепая необходимость». Но, познав эти законы и опираясь на них, люди могут ограничить сферу действия одних законов, дать простор другим законам, использовать законы в интересах общества.

Ярким примером этого является ленинская теория победы социализма в одной стране. Анализируя империалистическую стадию капитализма, В. И. Ленин научно доказал возможность победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране и невозможность победы социализма одновременно во всех странах. Руководствуясь марксистско-ленинским учением, рабочий класс нашей страны совершил победоносную социалистическую революцию, построил социализм и осуществляет ныне постепенный переход от социализма к коммунизму. Успешно строится социализм в странах народной демократии. Так знание объективных экономических законов общественного развития, превращение их в познанный необходимость дают людям возможность использовать их в интересах общества.

Нельзя согласиться с утверждением И. С. Кона, что во всех общественных формациях в той или иной мере происходит сознательное использование экономических законов. Ведь экономические законы развития общества впервые были открыты и научно обоснованы Марксом. Конечно, они существовали и действовали до того, как были открыты Марксом, но люди тогда не знали об их существовании и, естественно, не могли использовать эти законы сознательно.

И. С. Кон подтверждает свою точку зрения тем, что в своей практической деятельности люди используют многие законы природы и общества, даже не зная их сущности, но видя их внешние проявления (стр. 125). Но И. С. Кон путает сознательное использование познанных экономических законов с объективным проявлением этих законов и отражением их в требованиях того или иного общественного класса. В качестве примера, долженствующего, по мнению И. С. Кона, подтвердить его положение о сознательном или «не совсем бессознательно» использовании экономических законов людьми докапиталистических общественных формаций, он ссылается на реформу Солона, Сервия Туллия и Карла Мартелла. Но с таким же «основанием» И. С. Кон мог бы сослаться на более поздний пример — реформу 1861 г. в России. Если следовать теории И. С. Кона, то получается, что «освобождение» крестьян от крепостной зависимости было проведено в 1861 г. русскими помещиками-крепостниками и их самодержавным царским правительством как мероприятие, основанное на сознательном использовании объективных закономерностей общественного развития. Не ясно ли, что ни Солон, ни Сервий Туллий, ни Карл Мартелл, ни другие «деятели» рабовладельческого, феодального и капиталистического государств не могли и не использовали сознательно экономические законы общественного развития. Если их мероприятия укрепляли и развивали определенные отношения, то это являлось результатом того, что их действия, выражавшие их классовые интересы, отражали объективные требования экономических законов общественного развития. Но эти действия не являлись результатами сознательного использования законов. В известном указании И. В. Сталина, на которое ссылается И. С. Кон, вовсе не говорится, что в антагонистических досоциалистических формациях люди используют экономические законы в интересах общества сознательно².

Только пролетариат является единственным классом, который в своей борьбе против отживающих сил общества сознательно использует экономические законы. С ростом классового самосознания, с возникновением коммунистической партии, с вынесением социалистического сознания в рабочее движение его борьба становится сознательной борьбой за уничтожение капиталистического и установление социалистического строя.

Во всех досоциалистических формациях процесс общественного развития происходит стихийно, экономические законы действуют как «слепая необходимость». С такой же стихийной необходимостью действуют они в современном капиталистическом обществе. Это объясняется не только господством частной собственности на средства производства, как пишет И. С. Кон, но и основным противоречием капитализма — противоречием между общественным характером производства и частнокапиталистической фор-

мой присвоения результатов этого производства. В условиях стихийного действия экономических законов в досоциалистических формациях люди не знали о существовании экономических законов общественного развития и, следовательно, не могли использовать их ни сознательно, ни «не совсем бессознательно». Экономические законы действовали как непознанная необходимость, стихийно. Даже если предположить, что, изучив открытые Марксом экономические законы, капиталисты вознамерятся сознательно использовать их для упрочения и сохранения своего господства, они не в силах добиться этого. Самое большее, что они могут сделать, зная экономические законы капиталистического способа производства, — это ожесточенно сопротивляться новым, пробивающим себе дорогу экономическим законам, потому что они кровно заинтересованы в сохранении существующего капиталистического строя. В предисловии к первому изданию «Капитала» К. Маркс писал, что в области политической экономики даже научное исследование встречается с многочисленными врагами: «Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души — вызывает фурии частного интереса. Так, высокая англиканская церковь скорее простит нападки на 38 из 39 членов её символа веры, чем нападки на 1/39 её денежного дохода»³.

В классовой борьбе за свое господство буржуазия стихийно опирается на требования объективных экономических законов капитализма, но ни о каком сознательном использовании ею экономических законов, как это пытается доказать И. С. Кон, не может быть и речи. Еще в 1894 г. в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», разоблачая Михайловского и других буржуазных социологов, В. И. Ленин писал, что буржуазные социологи, не умея объяснить производственные отношения, брались прямо за изучение политико-юридических форм, и «выходило так, что будто общественные отношения строятся людьми сознательно»⁴. В. И. Ленин прямо указывал, что до открытия Марксом закономерностей общественного развития народные массы к производственным отношениям прилаживались бессознательно⁵.

Классики марксизма-ленинизма отмечают, что все экономические законы капиталистического способа производства действуют не в своем, так сказать, чистом виде, а лишь как «господствующая тенденция»⁶. Но И. С. Кон механически переносит характер действия экономических законов при капиталистическом способе производства как «господствующей тенденции» на действие всех экономических законов всех общественно-экономических формаций, в том числе на социализм и коммунизм (стр. 111, 113). Такое перенесение ошибочно. Возьмем, к примеру, основной экономической закон социализма. Разве можно утверждать, что он проявляется лишь как «господствующая тенденция»? Конечно, нельзя. Точно так же нельзя говорить и о законе планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства социалистического общества лишь как «господствующей тенденции». Оба эти закона проявляются в полной мере. То же самое надо сказать о законе обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Если в условиях капиталистического способа производства этот общесоциологический экономический закон проявляется лишь как «господствующая тенденция» и прокладывает себе дорогу «весьма запутанным и приблизительным образом», то в условиях социалистического способа производства этот экономический закон получил полный простор для своего развития и действия.

К числу неправильных утверждений И. С. Кона надо отнести и заявление о том, что всякому, в том числе капиталистическому, производству присуща тенденция к известной пропорциональности. Классики марксизма-ленинизма указывали, что капитализм является такой общественной формацией, где в силу господства анархии производства и ожесточенной конкуренции не может быть никакого закономерного, пропорционального развития и равновесия всех отраслей производства. Правда, в результате перелива капиталов из одной отрасли производства в другую стихийно создается некоторая относительная пропорциональность между отдельными отраслями производства,

³ К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1955, стр. 8.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 121.

⁵ См. там же, стр. 122.

⁶ См. К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1954, стр. 168.

² См. И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат 1952, стр. 49.

но эта стихийная и относительная пропорциональность, или тенденция различных сфер производства к равновесию, является, как указывает К. Маркс, случайностью, лишь реакцией против постоянного нарушения этого равновесия⁷. Переливы капиталов из одной отрасли производства в другую происходят не в силу тенденции капитализма к пропорциональности и равновесию всех отраслей капиталистического хозяйства, как это пытается объяснить И. С. Кон, а в результате погони капиталистов за прибавочной стоимостью и за избыточной прибавочной стоимостью, то есть происходят в силу действия основного экономического закона капитализма, проявляющегося в условиях господства анархии производства и ожесточенной конкурентной борьбы. Маркс писал, что условия нормального хода капиталистического простого и расширенного воспроизводства «превращаются в столь же многочисленные условия ненормального хода воспроизводства, в столь же многочисленные возможности кризисов, так как равновесие — при стихийном характере этого производства — само является случайностью»⁸.

Ошибка И. С. Кона состоит в том, что случайную пропорциональность как результат анархии производства, результат непропорционального развития капиталистического производства он принял за объективную и постоянно действующую тенденцию капитализма к пропорциональности и равновесию.

Закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства при социализме И. С. Кон характеризует как ту же тенденцию к равновесию и пропорциональности, которая (тенденция) в силу противодействующих тенденций не могла последовательно и в полной мере реализоваться при капитализме и лишь при социализме приобретает силу экономического закона, сбросившего с себя капиталистические оковы и вышедшего на простор. «Тенденция к пропорциональности, которая была всегда присуща общественному производству, но не могла последовательно реализоваться в силу противодействующих тенденций, теперь, при социализме, приобретает силу нерушимого экономического закона» (стр. 114). На самом деле на базе обобществления средств производства при социализме возникает новый экономический закон — закон планомерного (пропорционального) развития — в противовес закону конкуренции и анархии производства при капитализме.

И. С. Кон совершает серьезную ошибку, когда отделяет общесоциологические экономические законы от специфических экономических законов и пытается доказать, что в классовом обществе борьба может идти за овладение и использование специфических экономических законов, действующих в данной общественной формации. В качестве примеров, «подтверждающих» эту точку зрения, И. С. Кон приводит борьбу пролетариата и буржуазии вокруг размеров заработной платы и продолжительности рабочего дня. Выступая против рабочих, буржуазия опирается на экономические законы капитализма, использует их, реализует их требования в своих классовых интересах. Но классовая борьба рабочих против буржуазии, за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и улучшение условий труда, как и вся революционная экономическая и политическая борьба рабочего класса, есть борьба не за использование экономических законов капитализма, а против экономических законов капитализма, против капиталистического способа производства. Конечно, рабочие добиваются временного смягчения, ослабления разрушительного для них действия экономических законов капитализма, но сущностью, содержанием и направлением всей революционной борьбы рабочего класса является не это, а борьба за уничтожение капитализма.

Можно было бы привести многочисленные примеры борьбы рабочего класса с буржуазией за сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы, как борьбы не за использование экономических законов капитализма, а за временное ослабление их разрушительного действия, за уничтожение капиталистического способа производства. После известных стачек петербургского пролетариата царское правительство вынуждено было, например, законом 1897 г. ограничить рабочий день 11½ часами. По определению В. И. Ленина, этот закон был вынужденной уступкой, отвоёванной русскими рабочими у царского правительства⁹. Но эта классовая борьба рабочих с буржуазией есть борьба не за овладение и использование экономических законов капитализма, а против капитализма.

И. С. Кон ссылается на борьбу рабочих с буржуазией «вокруг использования» закона относительного перенаселения. Действительно, рост резервной армии безработных позволяет капиталистам усиливать эксплуатацию рабочих, ухудшать их положение, выжимать из рабочих еще больше прибавочной стоимости; капиталисты широко применяют этот закон капитализма, используют его в борьбе против рабочих. Что касается рабочих, то они, по словам Маркса (приведенным у И. С. Кона), «стараются посредством тред-юнионов и т. д. организовать планомерное взаимодействие между занятыми и незанятыми, чтобы уничтожить или смягчить разрушительные для их класса следствия этого естественного закона капиталистического производства...»¹⁰. Как видим, однако, Маркс говорит здесь о борьбе рабочего класса не за использование данного экономического закона капитализма, а против этого закона.

Правда, И. С. Кон подчеркивает, что в этой борьбе преимущество на стороне господствующего класса, что рабочий класс может лишь до известной степени смягчить разрушительное для него действие этих законов, но поставить их себе на службу он не в состоянии. Несмотря на эту оговорку, положение И. С. Кона о том, что между буржуазией и пролетариатом идет борьба «вокруг использования» экономических законов капитализма, является неправильным.

И. С. Кон неверно толкует вопрос о соотношении общесоциологических и специфических экономических законов. Он пишет, будто общесоциологические законы «отражают объективную связь, существующую между различными формациями, и единство всей истории человечества» (стр. 118) и «определяют поступательное развитие истории» (стр. 122). Получается, что общесоциологические законы не имеют никакого значения и не играют никакой роли в развитии данной общественной формации, а лишь выполняют роль какого-то связующего средства между различными общественными формациями, определяющего поступательное развитие истории.

И. С. Кон не понимает, что общесоциологические законы также присущи данной формации и действуют в ней вместе с другими законами этой формации. Он утверждает, что «решающую роль в развитии каждой данной формации играют ее специфические законы во главе с основным экономическим законом» (стр. 117). И. С. Кон механически распределяет законы между господствующим классом и классом, борющимся против него; специфические законы данной формации он отдает в руки господствующего класса, а общесоциологические экономические законы — в руки нового, революционного класса, причем поскольку переход от старых производственных отношений к новым соответствует интересам всего общества (за исключением господствующего класса), постольку общесоциологические законы действуют и используются в интересах общества, тогда как специфические экономические законы данной формации действуют и используются в интересах лишь господствующего класса, в интересах отживающих сил общества. При этом И. С. Кон, видимо, и не замечает, что его схема находится в противоречии с его же рассуждениями о борьбе классов за овладение и использование экономических законов данной формации.

Утверждая, что только общесоциологические законы определяют поступательное развитие общества, И. С. Кон в полном противоречии с этим заявляет о решающей роли специфических законов в развитии формации. А разве развитие общественной формации не есть в то же время и развитие общества? Ведь развитие той или иной общественно-экономической формации есть определенная ступень в общем поступательном общественном развитии. И в развитии данной формации решающую роль играют законы, присущие этой формации, в том числе и такой общесоциологический закон, как закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Пока производственные отношения соответствуют характеру производительных сил, общесоциологические и специфические экономические законы капитализма действуют прогрессивно, обеспечивают поступательное развитие данной общественной формации. Но как только производственные отношения перестали соответствовать характеру производительных сил, превратились в их оковы, то и прогрессивная роль специфических законов данной формации превращается в свою противоположность, и они начинают оказывать разрушительное действие на данную общественную формацию.

⁷ См. К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 363.

⁸ К. Маркс. Капитал. Т. II. Госполитиздат. 1955, стр. 496.

⁹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 249—250.

¹⁰ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 646.

Исходя из своих ошибочных положений, И. С. Кон неправильно оценивает и некоторые исторические факты. Так, по начерченной И. С. Коном схеме борьбы крепостных крестьян против феодализма получается, что крепостное крестьянство боролось не против феодализма и не за его уничтожение, а лишь за ограничение феодальной эксплуатации, за расширение сферы действия простого товарного хозяйства, что в этой борьбе крепостное крестьянство, не являясь носителем нового способа производства, опиралось не на закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, а на некоторые специфические законы данной формации, а также на законы простого товарного производства (стр. 121—122).

На деле крепостное крестьянство боролось не только за ограничение феодальной эксплуатации (что характерно особенно для ранних ступеней крестьянского движения), но и за уничтожение феодализма. Вместе с этим крестьянство боролось за расширение сферы действия законов простого товарного производства, то есть за развитие ремесла, свободное развитие товарных отношений, связывающих крестьян с рынком, и т. д. А ведь известно, что именно из товарного хозяйства в недрах феодализма зародился капитализм. Следовательно, борясь против феодализма, за расширение сферы действия простого товарного производства, крестьянство тем самым опиралось в своей борьбе именно на требования закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Возьмем ли мы крестьянское движение на Западе (например, жакерия) или восстания крепостных крестьян под руководством Степана Разина, Ивана Болотникова и особенно Емельяна Пугачева — всюду можно проследить, что крепостное крестьянство боролось не только за ограничение феодальной эксплуатации, но и за уничтожение феодализма. Мощное крестьянское движение под руководством Е. И. Пугачева стремилось, как известно, не только к ограничению и ослаблению феодальной эксплуатации, но и к поголовному истреблению ненавистных помещиков-крепостников, к уничтожению самой основы существования феодального способа производства. Совершенно очевидно, что эта борьба являлась революционной борьбой против феодальной эксплуатации, за уничтожение феодализма.

И. С. Кон утверждает, что «народные массы, играющие в буржуазной революции столь выдающуюся роль, разрушают старый, феодальный строй. Что же касается нового, капиталистического строя, то его буржуазия оформляет не только без помощи народных масс, но и против них, вопреки их сопротивлению» (стр. 123). Таким образом, И. С. Кон ограничивает роль народных масс в буржуазной революции тем, что они разрушают старый, феодальный строй. На самом же деле, разрушая феодализм, народные массы тем самым создавали благоприятные условия для развития нового, капиталистического способа производства, расчищали дорогу для капитализма, отражали тем самым требования объективного экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Взять, например, английскую буржуазную революцию XVII в., революции 1848 г. во Франции и Германии, русскую революцию 1905—1907 гг. и февральскую революцию 1917 г. — всюду главной силой революции были народные массы. Но плодами революции пользовалась буржуазия, и, приходя к власти с помощью народных масс, буржуазия, чтобы укрепить свое господство, жестоко подавляла народное движение.

М. С. Персов в статье «О соотношении общесоциологических и специфических законов формаций» правильно выступает против попыток И. С. Кона метафизически оторвать общесоциологические экономические законы от специфических законов данной формации. Но он впадает в противоположную ошибку. М. С. Персов, по существу, отождествляет общесоциологические и специфические экономические законы. Так, он заявляет, что закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, как и другие общесоциологические законы, проявляется лишь в определенных специфических экономических законах, присущих данной общественно-экономической формации, или, как он говорит, в определенных чертах, свойствах, тенденциях данной формации, понимая под этим не что иное, как специфические экономические законы, присущие данной формации (стр. 84).

Исходя из этого, М. С. Персов ошибочно утверждает, что в классовой борьбе и буржуазия и пролетариат опираются не на общесоциологические законы, а только на специфические экономические законы, так как общесоциологические законы находятся

«внутри этих последних». Он так и пишет: «На самом деле не только буржуазия, но и пролетариат опираются именно на специфические законы капиталистического способа производства» (стр. 84).

М. С. Персов правильно говорит, что общесоциологические законы не существуют «вне конкретной, специфической формы», но он допускает ошибку, считая, что такой конкретной формой являются специфические экономические законы данной формации. Конкретными специфическими формами существования, например, экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил являются характер и уровень развития производительных сил и состояние производственных отношений данной формации. Для рабовладельческого строя они одни, для феодального строя — другие, для капиталистического способа производства — третьи. Смена одной антагонистической формации другой антагонистической формацией есть лишь переход от одной формы эксплуатации к другой.

Уместно отметить еще одно, не вполне правильное утверждение М. С. Персова. Он пишет: «Законы, выражающие основные оязы определенной общественной системы, показывают также и присущие ей основные противоречия, которые определяют движение и неизбежную гибель этой системы» (стр. 85). Это утверждение, правильное по отношению к антагонистическим общественным формациям, совершенно неприменимо по отношению к социализму и коммунизму. В антагонистических общественных формациях основные противоречия приводят к неизбежной гибели данной формации. Однако, как отмечал И. В. Сталин, при социализме и коммунизме производственные отношения могут отставать от роста производительных сил, но это отставание не обязательно ведет к конфликту между ними. Само общество будет устранять и устраняет несоответствие, как только оно возникает, и своевременно приводит отстающие производственные отношения в соответствие с характером производительных сил¹¹.

¹¹ См. И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 51.